

Двери Цзычэньгуна были заперты семь дней.

Се Линь, облаченный в траурные одежды из грубого белого холста, босиком ступал по синеватым каменным ступеням. Кровавая рукопись покоилась на его согнутой руке, чернила еще не высохли, напоминая свежий, кровоточащий разрез. За ним никто не шел — лишь ветер кружил горстки пепла, прижимаясь к его щиколоткам, словно шепот бесчисленных неприкаянных душ. Он больше не был Сыном Неба — Нефритовые списки были сожжены, родословные древа обратились в прах, и в пределах дворцовых стен осталась лишь пустая, заключенная в темницу оболочка.

Он направился в бедняцкий квартал на востоке города.

Старуха коленопреклоненно сидела под прогнившим карнизом крыши, ее иссохшие руки бережно поддерживали свиток в крови, и она снова и снова повторяла имя своего сына. Ее слезы давно иссякли, в глазницах зияли лишь две черные дыры, вмещающие в себя всю немоту целой династии.

Твой сын... умер от голода, — Се Линь опустил на колени, и его голос звучал так тихо, словно бумажный лист. — Управляющий армией урезал трехмесячное жалование, он ел древесные корни, жевал ремни, а в конце... съел даже плоть собственного сына.

Старуха не плакала, лишь прижала кровавый свиток к груди и забормотала: Мой сын... погиб не от вражеского клинка, он пал от рук своих же соплеменников.

Се Линь взял тушь, разложил бумагу и поднял кисть. Он писал правду, которую невозможно было скрыть четырьмя замысленными словами официальных летописцев о гибели во имя родины. Кончик кисти дрожал, тушь ложилась густым слоем, и каждый штрих отдавался так, будто он срезал собственную плоть.

Наступила глубокая ночь, ветер утих.

Кто-то позади него тихо растирал тушь.

Се Линь не обернулся, лишь спросил: Ты ведь мог стать императором, почему же добровольно согласился писать для меня?

Цзэнь Чжао не ответил. Он снял чиновничье одеяние, переодевшись в простое короткое платье из грубой ткани, обшлага его рукавов были испачканы тушью, а кончики пальцев покраснели от долгого трения о тушечницу. Он опустил на колени рядом с Се Линем, кругами разводя брусок туши, и движения его были столь нежными, будто он расчесывал волосы возлюбленного.

Потому что ты пишешь правду, — наконец произнес он, и его голос звучал тихо, как ночная

роса. — А я — лишь марионетка того, кто не осмелился эту правду написать.

Се Линь наконец повернул голову. Мерцающий огонь свечи осветил старый шрам между бровей Цэнь Чжао — тот самый, что остался после палочных ударов, когда он взял на себя вину Се Линя. Теперь этот шрам поблек, но тени на дне его глаз стали еще глубже, чем прежде.

Цэнь Чжао внезапно поднял руку, обмакнул палец в густую тушь и медленно вывел на ладони Се Линя защитный знак.

То не были обычные иероглифы или заклинание — это был последний шпиль, который Се Линь перед смертью в прошлой жизни написал кровью на бамбуковых планках: Неугасимые кости летописцев.

Ты помнишь? — тихо спросил Цэнь Чжао.

Зрачки Се Линя сузились. Разумеется, он помнил. В ту ночь, когда его волокли на казнь, кровь хлынула из его горла, но он все же собрал последние силы и сунул «Записи о мятежных министрах» за пазуху Цэнь Чжао: Если выживешь — живи за меня; если умрешь — допиши до конца.

Он думал, что то были предсмертные слова.

Оказалось — договор.

Ты ждал моего возвращения, опираясь на мертвецов целой династии, — хрипло произнес Се Линь.

Цэнь Чжао улыбнулся, и улыбка его напоминала снег, падающий на сухие ветви. Если бы ты не пришел, они навеки остались бы немymi призраками.

Чернила еще не высохли, а ладонь Се Линя уже жгло, будто от раскаленного железа.

На следующий день, еще до рассвета.

Главный зал Цзычэньгуна, золотые плиты пола отражали первые лучи солнца, но войти туда не смел никто.

Евнух опустился на колени у ступеней, дрожащими руками удерживая лист бумаги.

То было послание, написанное собственной рукой Сына Неба, чернила расплывались, и каждое

слово звучало как плач:

Я не Сын Неба, я — узник истории.

Нефритовые списки сгорели дотла, родословные превратились в пепел, драконье халат был брошен у ступеней, и остались лишь траурные одежды из грубого холста да свиток крови, подвешенные на балке главного зала.

Чиновники всего двора молчали, боясь вздохнуть.

Командир императорской стражи ворвался во внутренние покои, но увидел лишь пустой трон и кровавый след, змейкой тянувшийся от драконьего кресла к оконной решетке. За окном слепил глаза утренний свет, и какая-то старуха как раз заворачивала кровавый свиток в пленки внука, приговаривая шепотом: Смерть твоего отца не должна остаться отмщенной понапрасну.

А в переулке на востоке города Се Линь и Цэнь Чжао стояли плечом к плечу, облаченные в траурные одежды, с тушеной кистью в руках, записывая для очередного умершего причину его смерти, которую никто не должен был предавать забвению.

Поднялся ветер, кровавый свиток затрепетал, словно бабочка, словно заклинание, словно бесчисленные души с открытыми глазами, которые наконец обрели свой голос.

Цэнь Чжао тихо спросил: Кого пишем дальше?

Се Линь поднял взгляд, устремив его вглубь дворцовых стен, на ту взметнувшуюся ввысь глазурированную крышу, что некогда символизировала веление Небес.

Того, кто собственными руками сжег Императорский Храм Предков, но не осмелился признать себя поджигателем... — он замолчал, и уголки его губ тронула едва заметная улыбка. — ...Сына Неба.

Цэнь Чжао кивнул, растирая тушь и протягивая кисть.

Тушь была черна, как кровь, кончик кисти завис в воздухе, словно лезвие ножа.

Они не спрашивали о будущих жизнях.

Они боролись лишь за эту.

<http://bllate.org/book/19340/1891113>